

Тёмка крепко зажмурил глаза: хотелось поймать за пятки легкий утренний сон. Но тот юркнул в приоткрытую форточку и слился с порывом хлесткого январского ветра, прихватившего с собой обрывки сна.

Зимнее полярное утро не дарит бодрящего рассвета. Тёмное небо выкатывает парад звёзд под всполохи северного сияния, время от времени пряча их за кулисами облаков и пурги. И этот природный спектакль длится в этих северных краях всю зиму до весны.

Оттого и Тёмкино пробуждение было привычно неторопливым. Однако приглушённый мужской голос из соседней комнаты подействовал сильнее самого крикливого будильника.

«Папка вернулся!» — обмирая, прошептал Тёмка.

Минуло уже три месяца с той поры, как Тёмкин отец покинул семью и уехал, с его слов, «подсобить вахтовикам». Тёмке было непонятно, отчего мама, уговаривая отца остаться, украдкой тревожно говорила:

— Ваня, ну какой из тебя, портовика, вояка? Одумайся.

Отец в ответ отшучивался:

— Помнишь, как наш дед Илья говаривал? «Как на охоту — так острый глаз, а как в войску — так в запас». Ты забыла, дорогая, что я с ружьишкой в тундру частенько хаживал и промаху, если надо, не давал?

— Тёме на будущий год в школу... Ему твоя мужская остратка нужна, шкодный парень растёт, — настаивала мама.

И отец, обнимая её, пообещал:

— К школе уж точно вернусь...

«...Ого, до школы еще уйма времени, а папка уже вернулся!» — мелькнуло в голове у Тёмки. Скинув одеяло, он рванул в соседнюю комнату.

На табурете рядом с мамой, придерживая её за локоть, сидел Антон Петрович — седовласый фельдшер с погранзаставы.

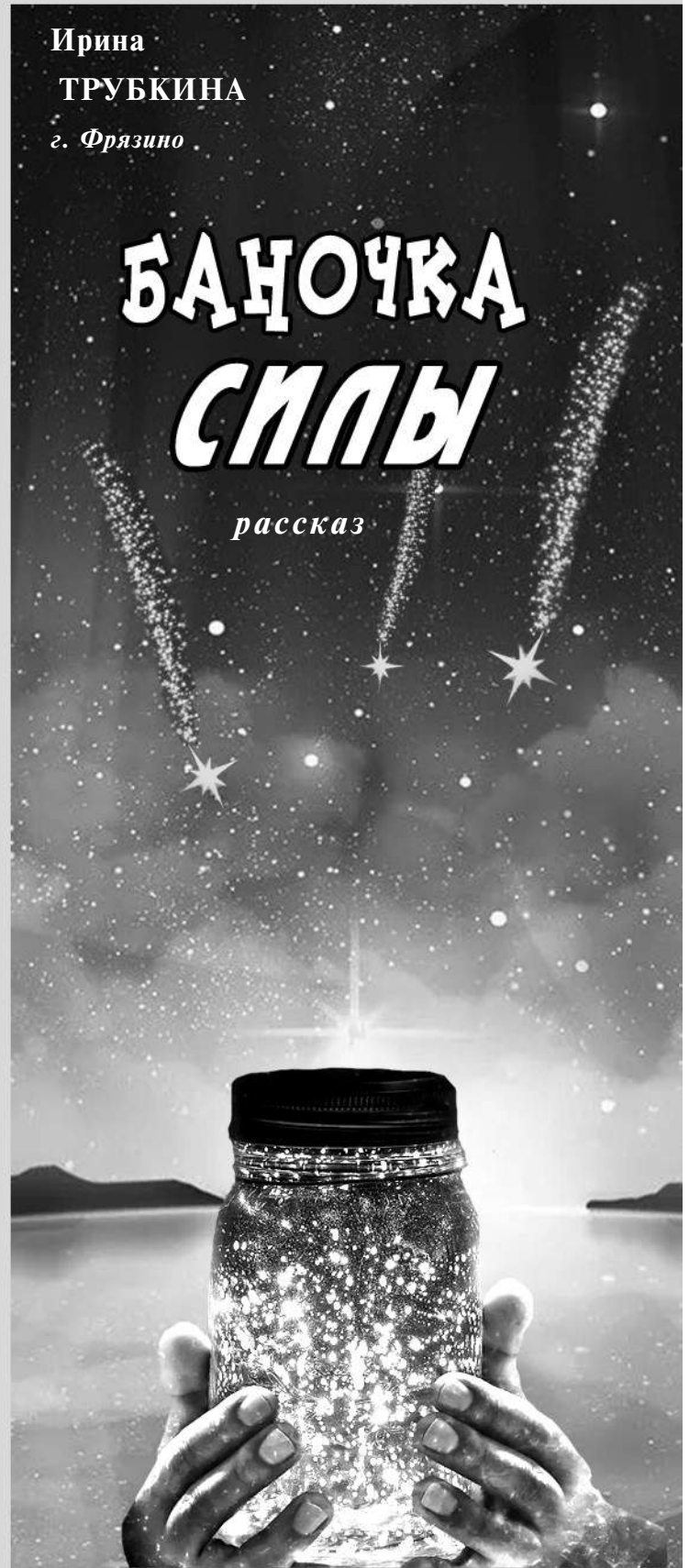
— Ну-ну, милочка, может, ещё всё образуется, поправится ваш муж. Хотя рана чрезвычайно тяжелая. Ребят невредимыми из окружения вывел, а его крепко зацепило... Врачи в

Ирина
ТРУБКИНА

г. Фрязино

БАЦОЧКА СИЛЫ

рассказ

центре всё необходимое делают, а вы небеса молитесь, чтобы силы ему дали.

Антон Петрович, заметив в дверях Тёмку, поднялся, подошел к нему и задумчиво потрепал его всклокоченные после сна волосы.

— Собирайся, внучок, папку проведать. Сегодня, под Рождество, рейсового самолёта уже не будет, но вечером ждём санрейс, им и отправим вас в госпиталь отца навестить. Ты уж маму поддержи, будь мужчиной.

Поникшая печальная мама молча проводила гостя. А потом сползла на колени и, уткнувшись в напряженное Тёмкино тельце, заплакала. Тёмка с минуту стоял оловянным солдатиком, а потом, чуть склонив голову, поцеловал маму в затылок. Она, очнувшись, перестала всхлипывать, поднялась и обрывисто заговорила:

— Прости, сынок. Знаешь, папу ранили... в горячей точке. Вечером улетаем к нему... в больницу на материк. Я сейчас к соседям схожу. Одолжу денег на поездку, дела кое-какие улажу... А ты жди меня дома. Я тебе потом все объясню.

Мама вышла из комнаты, а Тёмка решил немедля помочь отцу выздороветь. И вспомнил ему совет Антона Петровича «небеса молить». «А ведь он же доктор, дурного не посоветует! — размышлял Тёмка. — Небо над нами имеется, да со звёздами могучими... Это сколько же сил им надо, чтобы яркие лучи до земли полярной дослать?! Может, силишей этой они с папкой и поделаются?..»

Только вот куда её положить — силу эту звёздную? Озадачился Тёмка. Посудины какой под звёздную силу не придумали ещё. Он оглядел все закутки квартиры в поисках чего-то подходящего. Не в сумку же силу звёздную упаковывать — улетучится. И решил Тёмка остановиться на маленькой стеклянной баночке, оставшейся после съеденного варенья: мама как раз намыла её и поставила сушиться на полотенце. Тёмка навернул на банку крышку, сунул в оттопыренный карман своей пихорки¹, по-северному укутался и спешно вышел из квартиры.

В подъезде у входной двери он едва не споткнулся о соседского пса Ботю, на днях ввернувшегося со своим хозяином с зимовья.

— Ботя, укоротись! Дай дорогу! — бойко командовал Тёмка своему приятелю.

Огромный лохматый Ботя поднялся и завилял хвостом, выражая готовность к приключениям.

— Ну, ладно, возьму тебя на тайное дело, — заговорщицки пообещал Тёмка, и они пошли вдвоём.

Маршрут приятелей пролегал к плоскогорью. Было оно невысокое, но в окрестностях поселка, как казалось Тёмке, ближе всех от него до звёзд. Груда занесённых снегом валунов верной стражей охраняла подступы к вершине пологой горы, на которой ютилась заброшенная вертолётная площадка. Перемётённая белая дорога была едва различима в свете небесных светил. Но Тёмка отступить не хотел, так важна для него была эта задумка — набрать баночку небесной звёздной силы для раненого отца.

Вскарабкавшись на площадку, Тёмка огляделся. Темнота припрятала все приметы земной тверди, всё в округе казалось молчаливым, непроглядным. И только звёзды небесным компасом указывали путь вечности. Тёмка вытащил из кармана банку, скрутил крышку и протянул посудину вверх — к этому живому трепетному свету, исходящему из сердцевины безграничного пространства. Не ведая молитвенных слов, мальчик робко попросил:

— Небушко, дай звёздной силы папке поправиться... Наполни эту баночку до края.

Приняв за приманку поднятую вверх банку, Ботя начал подпрыгивать, пытаясь перехватить её из Тёмкиных рук. Но тот уверенно закрутил крышку и приладил баночку в тепло, за пазуху.

«Надо успеть вернуться до мамки», — подумал Тёмка и свернул с проторенной дороги к валунам.

Ботя громким лаем запротестовал.

— Ботя, не возникай! — окрикнул пса Тёмка. — Здесь путь короче, огибать гряду не придётся. Шуруй за мной, раз увязался.

Тёмка шёл осторожно, снег между валунами пробовал валенком на прочность. Уплотнён-

¹ Пихора — теплая верхняя одежда, в которой снаружи — плащевая ткань, а изнутри — мех.

ный метелями белый покров, казалось, выдержит любую тяжесть. Но нет! В одной из коварных расщелин затаилась воздушная пробка — в неё-то и рухнул Тёмка по пояс. Он упёрся локтями в великаны бока валунов, пытаясь вытянуть своё тело из каменной прорехи. Но снежная трясина под ногами не отпускала — она затягивала мальчика вниз.

— Копай, Ботя! Копай! — надсадно прокричал Тёмка.

Пёс всё понял и могучими лапами стал рыхлить снег, отбрасывая его в разные стороны. Вокруг Тёмки образовалась лунка, но силёнок выбраться всё же не хватало. На крепком морозе ноги в узкой расщелине начали коченеть.

Тогда Ботя решил выудить друга за ворот пихорки. Но куртка на мальчике стала задирается, заголяя хрупкое тело. Что же делать? Пёс подsunул кудлатую морду к Тёмкиной согнутой в локте руке. Паренёк попытался ухватить Ботю за ошейник, но при этом ещё больше просел в коварной дыре.

По-собачьи Ботя чувал, что друг его обессилен, замерз. Значит, надо спасать теплом — сообразил пёс. Он начал укладываться клубком возле Тёмки. Теперь уж либо дождутся помощи людей, либо замерзнут вместе.

— Нет, Ботя, беги домой! — стал уговаривать пса ослабевший Тёмка. — Беги за хозяином!

Пёс всё понял, но не спешил бросить друга. В нерешительности метнулся вокруг мальчика.

— Не бойся, Ботя, беги! Медведь меня не задерёт, спят они сейчас! Беги! — собравшись с силами, крикнул Тёмка.

И тогда Ботя со всех лап рванул в посёлок.

Не прошло и получаса, как возле Тёмки остановился снегоход с прицепленными нартами.

— Так во-от тут какая напасть! А я-то думал, куда меня Ботя тащит?.. И чего тебя сюда занесло, малуха?! — удивился сосед и, похлопывая пса по холке, одобрил: — Молодца, Ботя!

Сосед бережно, с привычной для зимовщиков сноровкой, вызволил парнишку из пагубной ловушки, уложил его на охотничьи нарты, набросил поверх бедолаги меховушку и направил полозья своего экипажа к дому. Ботя побежал следом.

Тёмка лежал на пляшущих по ухабам нартах и вглядывался в таинственное рождественское небо. Заметив звезду, отпущенную с небес к земле, он подумал о ней: «Отдыхать, видно, пошла. Ведь столько сил отдала для папки! Вот поночует на земле, окрепнет и обратно вернётся».

У подъезда Тёмку уже ждала мама. Едва снегоход остановился, она торопливо спустилась с крыльца и, шепнув соседу «спасибо», подскочила к нартам. Не дожидаясь мужской помощи, мама бережно подняла сына на руки и понесла в дом. Потрясённая свалившимися на неё за день тягостными известиями, только и спросила у него:

— Зачем, Тёма?

Тут подоспел фельдшер Антон Петрович. Он осмотрел мальчика и заключил:

— Серьёзных повреждений нет. Вовремя успели. А ссадины сейчас обработаем.

Мама сидела на диване и потерянно смотрела на происходящее. Заметив её состояние, Антон Петрович подсел к ней и по-отечески тепло, сердечно произнёс:

— На трассе непогода... Пуржит, санрейс на сегодня отменили. Так что Тёма не шибко подвёл тебя, дочка. Переведи дыхание, всё взвесь... Если решишь всё же лететь, то первым самолётом вас отправим.

Мама кивнула. Затем доктор обработал ссадины, уложил Тёмку поудобнее и ушёл.

А вечером перед сном, крепко прижавшись к маме, Тёмка поведал ей свой секрет — рассказал о заветной баночке силы для папы.

Мама впервые за весь день грустно улыбнулась и пообещала:

— Обязательно захватим баночку с собой, когда поедим к папе. Ты молодец, сынок.

Лишь спустя неделю мама и сын добрались до подмосковного госпиталя. На этот раз всё, чему раньше радовался Тёмка, когда прилетал на материк из арктического посёлка, стало для него неприметным.

Мама в ожидании доктора топталась в больничном коридоре. Наконец кабинетная дверь отворилась и юная медсестра спросила:

— Вы жена Лукьянова? Проходите.

Через четверть часа мама вышла из кабинета

в сопровождении доктора. Не прерывая разговора с ней, он предложил:

— Пойдёмте, я провожу вас к нему.

Тёмка плотнее запахнул на себе длиннополый белый халат, под которым прятал заветную баночку. На его лице промелькнула радость от будущей встречи с отцом. Но, заглянув в глаза мамы, он осёкся — почувал её тревогу.

Подойдя к мутным застеклённым дверям с надписью «Реанимация», доктор остановился:

— Сюда не принято пускать посторонних. К тому же он после операции ещё не пришёл в сознание. Но, учитывая, из какой вы приехали, делаю исключение. И, пожалуйста, следуйте моим рекомендациям, как вести себя с такими пациентами...

Доктор завёл маму и Тёмку в небольшую палату, где у окна в паутине медицинских трубочек лежал отец. Он был похож на замёрзшего в снегах путника.

Мама вздрогнула и покачнулась. Доктор, подхватив её под руку, ловко усадил на кушетку. Затем он немного постоял, наблюдая за обстановкой, и вышел из палаты. Ошарашенный Тёмка присел рядом с мамой.

А она, как настоятельно советовал доктор во время разговора в кабинете, начала тихо рассказывать, казалось, бездыханному отцу о делах житейских.

Пока мама говорила, Тёмка приступил к самому главному — тому, ради чего сюда пришёл. Он вынул заветную баночку силы из-под халата, открутил крышку и тайно, пока не видит мама, поставил её под кушетку.

Мама всё говорила и говорила. Тёмка сидел тихо, как мышка. Так прошло примерно полчаса.

В палату заглянул доктор. Он дежурно бросил взгляд на монитор и, удивленно вскинув голову, шагнул к пациенту. И тут вдруг тяжёлые веки отца, дрогнув, приоткрылись.

— Всё хорошо, вы с нами, — сказал доктор отцу и, оглянувшись на посетителей, добавил: — Вот что делает семейный дух!

Тёмка уверенно продолжил:

— ...И небесная сила.

— Мудрец у вас растёт, — с улыбкой заключил доктор.

А первого сентября Тёмка отправился в самую северную в России школу. Он крепко держался за руки обоих родителей — мамы и папы.

□

Ирина Сергеевна ТРУБКИНА

родилась в подмосковном городе Фрязино.

Окончила Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

Более четверти века жила и работала в поселке Диксон.

Заслуженный работник Таймыра.

Пишет стихи, прозу для взрослых и детей.

Автор книг о Таймыре «Мелодии арктических воспоминаний» (2008),

«Житейские истории с высоких широт» (2010),

«Сторожиха» (2017).

Лауреат международных литературных конкурсов

«Полярная Звезда» (2012),

«Север — страна без границ» (2020, 2021, 2022).

В журнале «Север» публикуется впервые.

